

НАВЕКИ ДЕВЯТНАДЦАТИЛЕТНИЙ

Сказать, что это была ошибка, значит ничего не сказать: как известно, найти ошибку значительно легче, чем истину.

Артем Боровик.
Спрятанная война

На моем письменном столе – портрет семнадцатилетнего Саши Курочкина. Он сфотографировался в те дни, когда после окончания десятого класса поступил на работу. И потому немного важничает: в кресле сидит как-то по-взрослому основательно, взрослая одежда, аккуратная прическа...

Мне дали этот большой портрет в 19-й школе, где Саша учился десять лет. Узнали, что буду о нем писать для этой книги, и сразу предложили: “Возьмите фотографию, для такого дела – не жалко”. Но оказалось, что большие фотографии для книги не подходят. И вернуть ее не могу...

Сейчас Александру было бы почти тридцать. Наверняка, был бы уже женат. И какой-нибудь шустрый белоголовый (весь в папу!) мальчишка приставал бы к нему: “Ну давай самбо позанимаемся!” А папа, поворчав для вида, – мол, “спать тебе пора, да и устал я после работы”, – показывал бы ему приемы рукопашного боя. Они возились бы на полу и хохотали...

А может быть, он учил бы сынишку играть на гитаре – ведь сам-то гитару любил не меньше самбо.

А может быть, показывал бы сыну азбуку, тот бы крутился у него на коленях, а Саша сердился: “В школу скоро, а букв не знаешь. Будешь, как папаша твой – самбо да гитара на уме, а сейчас совсем другие времена, учиться надо хорошо...”

А может быть... Да ничего больше не может быть. Вот уже десятый год Саша Курочкин лежит в сырой земле. Привезли из Афганистана цинковый гроб, и военный, сопровождавший этот страшный груз, наверное, долго стоял у дверей квартиры № 56 дома № 1 на улице Красной, не в силах открыть эту дверь... Я тоже так и не смогла переступить

порог квартиры, где живут Алексей Сергеевич и Елизавета Александровна Курочкины, 23 ноября 1982 года потерявшие своего единственного сына.

Саша был поздним ребенком. Он появился, когда у родителей уже и надежд на такое счастье не осталось. Правда, здоровье матери после этого совсем сдало. Она даже несколько лет не могла работать. А сейчас — инвалид.

Я не знаю, как говорить с Алексеем Сергеевичем и Елизаветой Александровной? Где найти нужные слова? Я могу только плакать вместе с ними. Но слез на их долю с лихвой хватило.

...Обычный альбом в бархатном переплете — такие есть в каждой семье. Только у этого альбома — название особое: "Наш отрядный герой". Его оформили следопыты 19-й школы. Среди материалов о Саше Курочкине — его короткая биография, написанная рукой отца.

"Александр Алексеевич Курочкин родился 3 июля 1963 года в городе Череповце (ул. Заягорбская, 3) в семье рабочих <...> В 1970 году поступил в первый класс средней школы N 19. 23 декабря 1977 года вступил в комсомол. В 1980 году закончил школу. 26 июня выдан аттестат N 150978. 1 сентября 1980 года поступил на Череповецкий металлургический завод. Прошел курсы обучения, получил удостоверение слесаря-электрика третьего разряда. Работал в отделе оборудования УКСа до 6 ноября 1981 года. 6 ноября призван в Советскую Армию.

Саша очень любил спорт, начал им заниматься в шестом классе в секции самбо, а затем в спортивном клубе "Шексна". Имел пять наград за спортивные успехи...

До ухода в армию Саша подготовился и в августе 1981 года сдал экзамены в Ленинградский техникум физкультуры и спорта, но был не зачислен ввиду ухода в армию. Ему дали справку, что все экзамены сданы хорошо. Он мечтал после службы поступить в Ленинградский институт физкультуры и спорта.

С 6 ноября 1981 года по 4 марта 1982 года Саша служил в Белорусском военном округе в гвардейской ордена Ленина воздушно-десантной дивизии. 27 декабря 1981 года принял воинскую присягу. Он всегда мечтал попасть служить только в воздушно-десантные войска и в письмах писал: "Я уже десантник, прыгал не один раз из

транспортного самолета и спускался, как птица, на парашюте".

С 4 марта 1982 года Саша служил в Афганистане (в провинции Кабул). С 4 мая 1982 года и до дня гибели был в разведроте, которая принимала активное участие во всех операциях. Операция в ночь с 22 на 23 ноября была последней в его жизни. После тяжелого ранения Саша скончался в госпитале, не приходя в сознание. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 мая 1983 года он награжден орденом Красной Звезды (посмертно). Фамилия Саши занесена в Книгу почета разведывательной роты части (так сообщил нам командир). Тело доставлено на Родину и захоронено на воинском кладбище-мемориале, где в День Победы народ отдает дань памяти героям, павшим за наше счастье жить на земле и мир во всем мире. Вечная слава тебе, дорогой наш сын Саша..."

В альбоме – воспоминания, стихи, фотографии. Четвертый "Г" постарался, борясь за то, чтобы отряду присвоили имя Саши Курочкина. И всегда вместе с ребятами был Алексей Сергеевич. Мужественно преодолевая боль, он приходил на пионерские сборы, напутствовал ребят, когда они вступали в комсомол.

Сейчас эти четвероклассники уже закончили школу, и каждый нашел свою дорогу в жизни. Но память о Саше в них живет. Школьники и учителя ухаживают за могилой Саши, приносят цветы. И когда бы ни пришли, встречают там Алексея Сергеевича.

В осиротевшем доме бережно хранится все, что осталось от Саши. Фотографии, начиная с самых-самых первых. Школьная сумка, гитара, гантели, гири, штанга, боксерские перчатки, спортивные награды. Стол, за которым он десять лет учил уроки. Книги, альбомы, письма. Десантская форма...

Саша живет в памяти тех, кто его знал. Г. П. Журавлева, его классный руководитель, вспоминает:

– Он был хозяином своему слову. Если что пообещает – сделает. Не скажу, что хорошо учился, – так, в основном на троеки. Уж сильно спортом увлекался. Особенно в десятом классе подзапустил уроки. Помню, на каком-то выпускном экзамене выскакивает весь потный, взволнованный. "Ну как, Саша?" – "Да троека!" Мы за него все болели. Уж очень душа у парня хорошая. На редкость доброжелатель-

ный, веселый. Где Саша, там скуки нет, это все знали. На гитаре чудесно играл, пел. А как трогательно к родителям относился, особенно к маме! У нее здоровье слабое, так он старался лишний раз не огорчать ее. Бывало, сделаешь замечание, пожуришь, а он в ответ: "Галина Петровна, только маме не говорите". 32-й год в школе работаю – честно признаюсь, такое не часто встретишь.

Память о Саше хранят не только те, кто знал его хорошо. Руководитель школьного литературно-краеведческого клуба Г. А. Третьякова пришла работать в 19-ю школу в 1980-м, когда Саша уже работал на заводе. 1 сентября он не выдержал – прибежал в школу на линейку. Кто-то сфотографировал это событие, и на фотокарточке он стоит как раз сзади Галины Александровны.

– А сейчас у меня такое чувство, что я его давно знаю, – столько о нем услышала, передумала, – делится она. – И ребят из творческой секции нашего клуба Сашина судьба затронула – появились стихи, песни, ему посвященные.

Слова одной из песен написала сама Галина Александровна, а музыку – тогдашние десятиклассники Володя Крупник и Саша Пешехонов. Они сами и поют ее, аккомпанируя себе на гитарах.

Осень в город к нам пришла, Саша.
Роща в золоте горит наша.
Одноклассники твои – уже папы,
Только ты один средь них неженатый.
С фотографии глядишь строго,
До обидного прожил ты немножко.
А когда седой отец в школе,
Не могу сдержать в душе боли.
Вас учили жить всегда честно,
Позвала страна на бой, – встали тесно.
Честь солдата берегли свято,
Полегли в чужой стране вы, ребята.
Ах, как быстро ты летишь, время,
Нам истории нести бремя.
Что несет нам перемен ветер?
За свою страну теперь мы в ответе...

* * *

...Второй год на моем письменном столе – портрет Саши Курочкина. Вхожу в комнату и каждый раз спазма в горле – натыкаюсь на его взгляд. Его глаза смотрят так

требовательно, словно спрашивают: “А ты сделала хоть что-нибудь, чтобы этой войны не было? Ты хоть как-то пыталась протестовать? Ты хотя бы чувствуешь свою вину?..”

Мне нечего ему ответить. Я могу только просить прощения. У Саши. У Алексея Сергеевича. У Елизаветы Александровны. У всех, кто пострадал от этой проклятой войны. И эта книга, на мой взгляд, должна стать не только Книгой Памяти, а и Книгой Покаяния. Тогда, может быть, подобное не повторится.

Л. Гагарина